

Тазит

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданной встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волы
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемлют гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряженную пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,
Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.
В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,

Смирная молча пыл коней...
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волны.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной
Воспримет труп его немой...
Уж труп землю взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришед,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу.
Умолкнул. Смотрит торопливо
Гасуб на отрока. Тазит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.
И в горе им Гасуб любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,

Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.
Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.
Он любит по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...
Но отец
Уже Тазитом недоволен.
Где ж, мыслит он, в нем плод наук,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.

Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик.
Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,

Где прорван каменистый берег,

Не вздумал ты сразить его

Не отвечая ничего.
Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,

Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил?
Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
Нет, мыслит он, не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают золото.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать.
Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:

Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.

Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,

Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем...

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:
Поди ты прочь ты мне не сын,
Ты не чеченец ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! поди чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты... Беги... беги скорей,

Сказал и на земь лег и очи
Закрыл. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал,
Никто ему не отвечал...
Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались
Привычны игры начались.
Верьхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелой шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.

То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют и гул лесной
Далече вторит их напевы.
Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его...
О, было время!.. с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятенье, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованный кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.

Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей приверженный супруг.